

УДК 902.7
ББК 63.5 М. 18

Ирина Александровна Маласханова,
аспирант,
Восточно-Сибирская государственная академия образования
(Иркутск, Россия), e-mail: irmala86@mail.ru

Научное сотрудничество М. Н. Хангалова с деятелями ВСОРГО

Выдающийся ученый, этнограф, педагог Матвей Николаевич Хангалов, живший на рубеже XIX–XX вв., внес огромный вклад в развитие этнографической науки сибирского региона, просвещение бурятского народа. Сотрудничество с деятелями ВСОРГО, такими как Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, Н. Н. Агапитов было плодотворным, осуществлялось оно во многом посредством переписки. Сотрудничеством это являлось взаимовыгодным, так как М. Н. Хангалов прекрасно знал изнутри быт, культуру, язык бурят. Работы ученого-этнографа являются бесценным источниковым материалом по изучению фольклора и этнографии бурятского народа. Основная научная заслуга Хангалова состоит в том, что он сохранил для будущего своего народа его богатейшее духовное наследие, лучшие памятники его культуры.

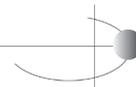
Ключевые слова: бурятская этнография, сотрудничество с деятелями ВСОРГО, Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, Н. Н. Агапитов, Иркутская учительская семинария, бурятский шаманизм, шаманские ритуалы, обряды, фольклор бурят, переписка, эпистолярное наследие.

Irina Aleksandrovna Malaskhanova,
postgraduate,
East-Siberian State Academy of Education
(Irkutsk, Russia), e-mail: irmala86@mail.ru

M. N. Hangalov's Cooperation with Scholars of the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society

An outstanding scholar, ethnographer, teacher Matvei Nikolaevich Hangalov who lived at the edge of the XIX–XX centuries made great contribution to the development of ethnographic science of the Siberian region, education of the Buryat people. Scholarly cooperation with the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society, namely with G. N. Potanin, D. A. Klements, N. N. Agapitov was fruitful, such cooperation was carried out mainly by means of correspondence. This cooperation was mutually advantageous as M. N. Hangalov was himself an ethnic Buryat knowing perfectly from inside the Buryat every day life and culture, their language. His works represent the wealth of various materials on folklore, ethnography of the Buryat people. Hangalov's main scholarly merit consists in the fact that he has preserved for the future rich spiritual heritage of the Buryats, the best monuments of their culture.

Keywords: the Buryat ethnography, cooperation between G. N. Potanin, D. A. Klements, N. N. Agapitov, the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society, Irkutsk teachers' seminary, Buryat shamanism, shamanist rituals, Buryat folklore, epistolary heritage, letters.

Матвей Николаевич Хангалов – крупнейший бурятский этнограф, фольклорист и педагог, живший и творивший на рубеже XIX–XX в.; один из первых исследователей ранней истории и культуры бурятского народа, собиратель фольклора, открывший огромное богатство устного народного творчества бурят, сохранивший от бесследного исчезновения ценнейшие памятники духовной и материальной культуры Бурятии и внесший неоценимый вклад в изучение традиционного общества и этнографии бурятского народа. Имя Хангалова, как учёного этнографа, исследователя и собирателя, хорошо известно в научных кругах нашей страны и за её пределами. Свидетельством этому служит не только избрание его действительным членом Русского географического общества, но и полученный Матвеем Николаевичем диплом от Министерства народного просвещения и изящных искусств Франции о присвоении ему звания лауреата [9, с. 5].

Говоря о научном сотрудничестве Матвея Николаевича с деятелями Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО), которые являлись для него своего рода учителями, можно перечислить целую плеяду выдающихся учёных просветителей, как Н. Н. Агапитов, Н. Г. Потанин, Д. А. Клеменц, Д. А. Першин. Каждый из них сыграл определённую роль в становлении и развитии М. Н. Хангалова как учёного. Это общение было двухсторонним, так как и Матвей Николаевич Хангалов был для них и помощником, и переводчиком, знатоком традиций и обычаев.

Во время учёбы в Иркутской учительской семинарии М. Н. Хангалов, под влиянием деятелей ВСОРО и их трудов начинает интересоваться вопросами истории края, его культурой и этнографией. Выполняя обычное учебное задание – написать сочинение на свободную тему, он представил реферат «Обряд теломытия у шаманов». Необычность темы, знание материала, живой интерес к предмету исследования – всё это не могло не обратить на себя внимания. Хангаловым заинтересовался правитель дел ВСОРО Н. Н. Агапитов, преподававший в семинарии педагогику [3, с. 9]. Агапитов представил пытливого воспитанника своим друзьям-этнографам Д. А. Клеменцу, Н. М. Ядринцеву, путеше-

ственным Г. Н. Потанину и др. Они-то и приобщили юного Хангалова к изучению фольклора и этнографических материалов.

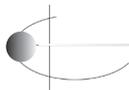
Большую роль в формировании учёного сыграл Григорий Николаевич Потанин. Г. Н. Потанин (1835–1920 гг.) – русский исследователь Центральной Азии и Сибири, выдающийся учёный, общественный деятель. В 1863–1899 гг. (с перерывами) совершил ряд экспедиций: в Монголию, Туву, Северный Китай, Тибет. Совместно с женой – А. В. Потаниной (1843–1893 гг.) собрал ценные этнографические материалы. В 1887 г. был избран правителем дел ВСОРО. Он, соглашаясь на этот пост, планировал подготовить отчёт о путешествии в Китай, поскольку именно в Иркутске была сосредоточена основная часть собранных материалов.

Будучи правителем дел ВСОРО в 1887–1890 гг., Григорий Николаевич показал себя не только как всемирно известный учёный-путешественник, но и как выдающийся организатор науки. При нем создались такие отделы как, физическая география, этнография, статистика [10, с. 143].

На фоне общего оживления дел в Восточном отделе наиболее выразительные перемены произошли в области этнографического изучения коренных народов Восточной Сибири, прежде всего бурят. Организованная по инициативе Потанина этнографическая секция развернула активные работы в этом направлении, прежде всего по сбору эпического наследия бурят Иркутской губернии и Забайкалья. Он привлёк к работе представителей коренного населения, ставших впоследствии видными учёными – М. Н. Хангалова, П. Баторова. Под его редакцией вышли первые труды этих исследователей.

Среди многих других проявлений научного творческого организационного таланта Григория Николаевича нельзя не отметить его умение находить, поддерживать и выращивать нужные науке и обществу кадры, особенно среди молодёжи. И вся эта работа проводилась, преимущественно, посредством переписки [4, с. 6].

Научное сотрудничество и дружественные отношения Григория Николаевича и Матвея Николаевича общеизвестны, о чём свидетельствуют многие доказательства –

различные документы ВСОРГО, переписка учёных, воспоминания современников.

Обращаясь к письмам, как ценнейшему и наиболее правдивому источнику, в которых, как правило, описывались научные и личные вопросы, находим этому подтверждение. Следует отметить, что в пятитомном собрании переписки Г. Н. Потанина, в частности в последних двух томах, датирующихся 1884–1919 гг., писем, адресованных М. Н. Хангалову, не более двух десятков, при условии, что в данном издании они учтены не все.

Первое письмо из четвертого тома датируется февралем 1888 года (г. Иркутск); обращение в начале письма «Многоуважаемый Матвей Николаевич» демонстрирует уважение и бережное отношение Потанина к адресату, хотя нужно отдать должное эпохе и стилю письма, т. е. обращению, принятому в то время. Изучая письма и анализируя их содержание, можно сделать вывод, что речь зачастую шла о чисто техническом переводе как материала, собранного самим Г. Н. Потаниным, так и работ М. Н. Хангалова, о советах опытного учёного начинающему научную деятельность этнографу, по тому или иному вопросу, к примеру:

«...Для статьи о внешнем быте бурят я пришлю Вам программу. Я хотел перед отсылкой статьи о «Зэгэтэ-аба» просмотреть её, но уезжаю в Селенгинск, а, потому, не имея времени, Ю и поспешил Вам отослать. Относительно каменных памятников действительно лучше ограничиться пока внешним описанием их и перечислением. Если можно, то составьте им карту и рисунки. Раскопки следует производить по инструкции опытной рукой и с разрешения Императорской археологической комиссии.

При чтении "Хана Гужира" некоторые места оказались требующими разъяснения с Вашей стороны, будьте добры ответить на следующие вопросы...» [4, с. 88].

«Не сможете ли также получить у бурят ответа на следующие вопросы: какая гора самая высокая; какая река самая большая; какая самая высокая трава; какая рыба самая ценная; существуют ли какие-нибудь правила относительно приносимых жертвоприношений? Может ли в семейном жертвоприноше-

нии участвовать прижитый от незаконного брака сын?» [4, с. 91].

Зачастую Григорий Николаевич в письмах спрашивает у Матвея Николаевича о правильности произношения каких-либо терминов, о точности написания бурятских имён или названий; поручал разобрать конкретные вопросы, случалось так, что они находили или сталкивались с одним и тем же материалом и совместно уточняли какие-то неясные места в текстах: «Если вы следите за иркутскими новостями по "Восточному обозрению", то Вы, верно, прочитали о том, что мы из вашей статьи о Зэгэтэ-аба сделали публичное чтение. Потому эту статью я думаю печатать в 3-м выпуске XIX тома наших "Известий", но этот выпуск будет набираться, вероятно, в мае или июне.

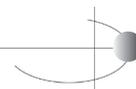
Мы избрали Вас за Ваши заслуги по собиранию этнографических сведений в члены Отдела. Ваши сказки бурятские мы не сможем сейчас напечатать, так как в Отделе нет денег. Поэтому затеянный том со сказками сдавать в набор ещё нельзя, не заручившись деньгами. Хочу написать о делах в Петербург.

Прочитал интересную сказку у Вас о Гужире. Напишите, пожалуйста, как следует правильнее писать имя Гондол или Годол; у Вас так и этак написано... Составьте, пожалуйста, подробное описание обрядов шаманских... существуют ли какие-нибудь правила относительно приносимых жертвоприношений?» [4, с. 91].

Заканчивая очередное письмо, Григорий Николаевич обращается к Матвею Николаевичу: «Пожалуйста, не поленитесь и будьте добры ответить на это письмо по всем предложенным пунктам. Готовый к услугам, Григорий Николаевич» [4, с. 91].

В материалах или литературе указывается о том, что науке, только зарождающейся в Сибири, не хватает финансирования на экспедиции, на её развитие, издание каких-либо трудов, в частности и об этом также упоминается в переписке.

«Ваши сказки бурятские мы не сможем сейчас напечатать, так как в Отделе нет денег. Поэтому затеянный том со сказками (а их с якутскими набралось много) сдавать в набор ещё нельзя, не заручившись деньгами» [4, с. 90].

После возвращения из экспедиции 1884–1886 гг. Потанин планировал подготовить отчёт, находясь в Иркутске, но постоянная занятость не позволила ему это осуществить, он был вынужден уехать в Петербург и там заняться отчётом.

В приведённом ниже письме очень объёмно и отчётливо представлены отношения между адресатами, описывающими различные рабочие моменты: «Письмо Ваше и вслед за ним рукопись "Гэсэр-Богдо-хан" получил. Больше спасибо как за Гэсэра, так и за ответы на мои вопросы. Гэсэра увезу собой в Петербург и постараюсь непременно издать его где бы то ни было, или в Иркутске, или в Петербурге. Повезу также и рукопись Вашу «Зэгэтэ-аба», несмотря на то, что в неё вобраны всё легенды, а также выбрано все, что относится до облавы; в ней всё дано, ещё остаётся большой и интересный материал о быте бурят. Потому постараюсь на досуге из первой рукописи сделать особую статью и, если же удастся, поместить в Петербургских изданиях. Пришлю в Иркутск. Присланные статьи сданы в типографию. Пожалуйста, сообщите об обычае ставить посуду отверстием внутрь дома в честь заян? Да, ещё каких рассказов о горах Бохана, о шаманах Бохане...» [8, с. 1]. Это письмо датируется 6 июля 1890 г., а отчёт о путешествии вышел в свет 1893 г. в Петербурге.

Их научная деятельность не ограничивалась только консультациями, важным моментом являлось совместное издание трудов, одним из первых и наиболее важных является «Абай – Гэсэр-богдо-хан», опубликованный в описании путешествия Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествия Г. Н. Потанина 1884–1886» [9, с. 282]. К слову, упоминая о совместных изданиях, следует сказать, также о выдающемся труде «Балаганский сборник», составленном Матвеем Николаевичем и подготовленным к изданию Григорием Николаевичем.

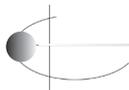
М. Н. Хангалов не забывал советов и иркутских учителей, в частности Н. Н. Агапитова. Насколько воспитанник семинарии высоко ценил и считался с его авторитетом, говорит такой факт. В 1880 г. он, молодой учитель, присылает ему рукопись своей работы об обрядах посвящения и похорон шаманов. Нико-

лай Николаевич прочитал её и пришёл к выводу: для того чтобы взяться за редактирование статьи, необходимо самому ознакомиться на месте с излагаемыми в ней вопросами; с другой стороны, описания только названных обрядов было недостаточно. Требовалось исследовать тему шире, углубить содержание материала, дать научное обобщение; словом, работа предстояла большая.

И Н. Н. Агапитов добивается командировки ВСОРГО для поездки к эхиритбулагатским, ольхонским, унгинским, аларским, боханским бурятам; приезжает к Хангалову, беседует и обсуждает с ним план предстоящей работы; в его сопровождении посещает улусы, знакомится и детально изучает бурятское шаманство. В результате рождается новая крупная работа – «Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии» – плод научного и творческого содружества начинающего краеведа и зрелого исследователя-этнографа. Она опубликована за их подписями в 1883 г. в «Известиях ВСОРГО». В «Примечаниях» к этой работе Николай Николаевич пишет: «Г-н Хангалов оказывал во всё время поездки неоценимые услуги в качестве переводчика и лица, интересующегося предметом исследования; результаты поездок были так разнообразны и неожиданны, что г. Хангалов, природный бурят, сознался, что «вот он думал, что совсем хорошо знает религию своего народа, на деле открылось много такого, чего он не подозревал» [9, с. 237].

Совместный труд Н. Н. Агапитова и М. Н. Хангалова явился подлинным научным открытием – в нём подробно показывается история развития и состояния бурятского шаманства.

Также горячо поддерживал Матвея Николаевича в его научной и собирательской работе, поощрял и всячески помогал ему Дмитрий Александрович Клеменц, революционный деятель, этнограф, археолог, путешественник, публицист. Поскольку Матвей Николаевич живо интересовался проблемами хозяйственно-экономического плана, быта, права, этики бурят, то его деятельность, как мы отмечали, поощрялась и ценилась по достоинству Д. А. Клеменцем. Он считал, что работы Матвея Николаевича представляют собой «энциклопедию бурятского быта».

Дмитрий Александрович любезно берётся за подготовку к печати его статьи «Общественные охоты у северных бурят». Обрабатывает её, дополняет рядом сведений, а также заново написанным введением, статья публикуется за подписями Д. Клеменца и М. Хангалова в сборнике «Материалы по этнографии России».

Об этом моменте также говорится в предисловии к трёхтомному собранию сочинений М. Н. Хангалова, написанном доктором исторических наук С. Г. Жамбаловой: «Появление в 1910 г. статьи "Общественные охоты у северных бурят (зэгэтэ-аба – охота на росомах)" в "Материалах по этнографии России" не только способствовало её широкой известности, но и вызвало острую полемику в научных кругах того времени. Проблемы, поднятые М. Н. Хангаловым в этой, написанной в соавторстве с Д. А. Клеменцем («Введение» и редактирование), а также и в других работах учёного, не оставляют равнодушными и современных научных работников – осмысление богатейшего наследия выдающегося представителя бурятского народа до настоящего времени остается актуальной задачей» [9, с. 13].

Совместная работа Дмитрия Александровича и Матвея Николаевича также осуществлялась во многом посредством переписки: «Многоуважаемый Государь Дмитрий Александрович!

Весной 30 апреля я писал Вам о своём согласии принять на себя командировку от Музея Александра III относительно собраний материалов о шаманизме у бурят и высылаю 17 тетрадей, в которых записаны материалы о шаманстве. Теперь повторяю своё согласие на командировку для собраний материалов и коллекций...

Хотелось бы побывать на устье реки Оки, прежде буряты жили до прихода русских, по слухам, на этих местах, но с тех пор могли сохраниться шаманские предметы и изображения на скалах... Необходимо побывать у Нижнеудинских бурят, которые не исследованы» [8, с. 7].

В сборе материалов учёный торопился, ибо сознавал, что многие вещи, характеризующие быт и религиозные представления людей, со временем забываются, пропадают, уходят в небытие. В 1907 г. в письме к

Д. А. Клеменцу он пишет: «Будьте так добры, Дмитрий Александрович, пожалуйста, сообщите, получили ли Вы моё письмо и согласны ли собирать материал о шаманстве, боюсь, чтоб они не потерялись... Когда получите коллекции, не могу дожидаться ответа, Дмитрий Александрович, письма и предложения о командировке...» [8, д. 6].

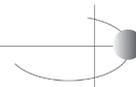
В 2012 г. исполняется 150 лет со дня рождения Иннокентия Александровича Подгорбунского. Известно, что они с Матвеем Николаевичем были современниками, жили, работали в одно время и где-то в научном мире их пути переплетались.

Протоиерей Иннокентий Александрович Подгорбунский, педагог, учёный, активный деятель ВСОРГО, также внёс свою лепту в формирование взглядов учёного Матвея Николаевича, в частности в вопросе бурятского шаманизма.

В самом начале своей учёной деятельности о. Иннокентий, совместно с Г. Н. Потаниным, издаёт каталог выставки предметов жизни лам, позднее один составляет каталог буддийской коллекции музея. Учёная деятельность о. И. А. Подгорбунского создаёт о нём мнение как о знатоке буддизма и авторитете в области монголоведения. Учёные работы о. Подгорбунского печатались в «Иркутских епархиальных ведомостях» и других изданиях: «Известиях» и «Трудах» ВСОРГО, в еженедельнике «Восточное обозрение», «Сибирском сборнике» и др.

К трудам И. А. Подгорбунского по изучению местных инородцев и шаманства принадлежат статьи: «Шаманы и их мистерии», «Из мифологии монголов и бурят шаманистов: Тенгрии. Хаты», «Идеи бурят-шаманистов о душе, смерти, загробном мире и загробной жизни», «Буряты: физический тип и духовная личность бурят», «Буряты. Исторический очерк».

Известно, что Иннокентий Александрович поддерживал дружественные связи с М. Н. Хангаловым. В различных источниках есть этому подтверждение. Из Протоколов заседаний Распорядительного комитета ВСОРГО: «И. А. Подгорбунский доложил, что при содействии М. Н. Хангалова возможно издать текст бурятской поэмы об Абай-Гэсэр-Хане с переводом на русский язык. В литературе имеются неполные тексты монгольских вари-

антов в сочинениях Г. Н. Потанина, но лишь в русском переводе. Бурятский текст предполагает самобытные черты. Для выполнения этих работ необходимо г. Хангалову дать некоторую субсидию рублей около 50.

Постановлено: ассигновать 50 рублей при составлении сметы на 1905 г. и поручить переговоры с г. Хангаловым И. А. Подгорбунскому» [5, с. 51].

Учитывая направление научной деятельности И. А. Подгорбунского, можно сделать вывод, что Иннокентий Александрович и Матвей Николаевич работали над общей темой.

В «Сибирском сборнике» под редакцией И. Г. Шешунова имеются статьи И. А. Подгорбунского, в которых он опирается на материал, собранный Матвеем Николаевичем. Например, видно фактическое сравнение материала и дополнения автора. «Из мифологии бурят и шаманистов»: «Всех тенгриев буряты считают девяносто девять, из коих пятьдесят четыре живут в западной части неба и почитаются существами добрыми, а сорок четыре в восточной и почитаются существами злыми. Списком этих существ мы обязаны М. Н. Хангалову, хотя не можем здесь не заметить, что список этот далеко не полон и далеко не постоянен, как и следует этого ожидать у народа, верования которого сохраняются устно, и в различных пересказах, конечно, варьируются весьма различно. Поэтому к списку г. Хангалова мы присоединим и имена тех тенгриев, которые известны нам помимо его списка» [7, с. 2].

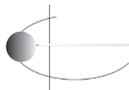
Переплетение интересов Матвея Николаевича и Иннокентия Александровича связано с ещё одним их увлечением: оба старались выделить, выявить и создать бурятский алфавит. Цель у них была общей – упрощение языкового барьера, создание единого, более простого образца алфавита для бурятских детей, а также работы с оригинальными текстами. Известно, что Хангалов ещё в 1878 г. составлял учебник для бурятской школы – «Первую учебную книгу бурятско-русского языка», в 1902 г. он завершил составление букваря для бурятских детей. Однако эти работы не были изданы. Матвей Николаевич упорно высказывал мысли о необходимости создания библиотек при школах, проведении внеклассного

чтения для основательного овладения детьми русского языка. Он выступал горячим сторонником, пропагандистом и проводником в массы идей дружбы народов.

В последние годы о. И. А. Подгорбунский интересовался преимущественно вопросами языка монголов и бурят. Так, в 1908 г. им был составлен и издан «Русско-монголо-бурятский словарь». В последних выпусках «Известий» отдела были напечатаны статьи «Несколько заметок по фонетике бурятского языка, в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов», «Материалы для грамматики разговорного бурятского языка: Несколько заметок о глаголах в бурятском языке», «Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка: Загадки кудинских и балаганских бурят» [6, с. 2].

Все приведённые факты красноречиво говорят о внимательном и дружеском отношении учёных к представителю малочисленного народа, важности и значении исследований последнего. Сотрудничество Матвея Николаевича с выдающимися учёными рубежа XIX–XX вв., несомненно, являлось плодотворным и взаимовыгодным. Благодаря этому сотрудничеству наука обогатилась многими новыми сведениями о коренном населении Прибайкалья – бурят, закладывался фундамент дальнейшего изучения и развития этнографической науки в целом. Наибольшим вкладом в этнографическую науку стали описания и наблюдения за бытом, нравами, культурой, верованиями бурятского народа, а также записи народной словесности, позволившие в то время сравнить и сопоставить бурятский народ в системе народов, населяющих Сибирь середины XIX – начала XX вв.

В своём выступлении на межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения М. Н. Хангалова, С. Г. Жамбалова верно подметила, что не следует забывать роли русских учёных, которые привлекли М. Н. Хангалова в молодом возрасте к научной работе и постоянно поддерживали его во все годы жизни и деятельности [1, с. 9], что «его научная деятельность открыла большие перспективы для дальнейшего изучения истории и культуры бурят» [2, с. 7].

Список литературы

1. Жамбалова С. Г. Матвей Николаевич Хангалов – этнограф, учёный мирового значения // Хангаловские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 24 октября 2008. Усть-Ордынский, 2008.
2. Жамбалова С. Г. О жизни и деятельности М. Н. Хангалова: известные и малоизвестные факты // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. Иркутск: Оттиск, 2010.
3. Залкинд Е. М. М. Н. Хангалов. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1945.
4. Письма Г. Н. Потанина / под ред. Н. А. Логачева, Ю. П. Козлова, А. Г. Золотарева [и др.]. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. Т. 4.
5. Протокол заседаний Распорядительного комитета ВСОРГО за 1904 г. В отчете ВСОИРГО за 1904 г., составленном Правителем дел Н. Н. Козьминным. Казань: Типогр. Импер. ун-та, 1906.
6. Свинин В. В., Сазонова с. А. В. И. Подгорбунский как этнограф и музейный работник // Дуловские чтения 1997 года: материалы докл. и сообщ. региональной науч.-практ. конф. Иркутск, 1997.
7. Сибирский сборник / под ред. И. Г. Шешунова // Приложение к «Восточному обозрению», 1894 г. Вып. V и VI. Иркутск: Тип.. К. И. Витковской, 1894.
8. Фонд М. Н. Хангалова, ИМБТ СО РАН. Ф. 4. Оп. (письма Д. А. Клеменца М. Н. Хангалову и М. Н. Хангалова Д. А. Клеменцу, 1891–1908 гг. Д. 6; письмо Г. Н. Потанина М. Н. Хангалову, 1887–1889. Д. 8. С. 1).
9. Хангалов М. Н. Собрание сочинений / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. Т. 1, 2.
10. Шиловский М. В. Полнейшая самоотверженная преданность науке / Г. Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004.

Статья поступила в редакцию 03.03.2012 г.